

Потенциал прокуратуры окружного суда в сфере надзора за предварительным следствием в 70-е годы XIX века

Судебная реформа 1864 года ограничила компетенцию российской прокуратуры «делами судебного ведомства». Девяностолетняя традиция прокурорского надзора в сфере «охранения общего благоустройства в губернии и по казенному ведомству» пресеклась, но в результате переориентации наметился тернистый путь органов прокуратуры в область уголовного преследования лиц, совершивших преступления, предусмотренные Уложением о наказаниях Российской империи.

Для достижения основной цели прокурорского надзора – установления материальной истины – прокурор и товарищи прокурора окружного суда наделялись правом возбуждения уголовного дела. Одновременно реформированная прокуратура лишалась права производства предварительного следствия. В соответствии со статьей 278 Устава уголовного судопроизводства (УУС) прокуроры и товарищи прокурора «дают только предложения о том судебным следователям и наблюдают за производством сих следствий».

Надзор за предварительным следствием касался во-первых, задержания обвиняемого, оставленного на свободе, или освобождения необоснованно задержанных и арестованных из-под стражи; во-вторых, избрания в отношении обвиняемого меры пресечения; в-третьих, дополнения предварительного следствия «по сделанным им указаниям, хотя бы судебный следователь и признал следствие конченным» (ст. ст. 281, 283, 285, 286 УУС). В этой связи Судебные уставы гарантировали независимость предварительного следствия от необоснованного вмешательства органов прокуратуры в процессуальную деятельность судебного следователя, который «собственной властью, начинал и осуществлял следственные действия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом» (ст. 264 УУС). В соответствии со ст.ст. 269, 271 УУС он имел право поручать полиции производство дознаний и «собрание справок по сделанным им указаниям, проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею первоначальному исследованию».

Ю.А. Самарин

*Прокурор Володарского района
Нижегородской области в отставке,
старший советник юстиции*

С.Н. Казанцев полагает: «Суть реорганизации прокуратуры в соответствии с основными принципами реформы 1864 года состояла в ограничении прокурорского надзора функцией исключительно судебной властью и возложение на прокурора функции поддержания государственного обвинения и в таком усилении надзора за дознанием и следствием, который фактически превращал прокуроров в руководителей предварительного следствия» [1].

С последним суждением автора нельзя согласиться. В отличие от полицейских чинов, которые в ходе дознания о преступных деяниях «состояли в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей» (ст. 279 УУС), судебные следователи согласно ст. 79 Устава судебных установлений (УСУ) считались членами окружного суда и обладали процессуальной самостоятельностью. Так, в случае получения от прокурора или его товарища указания о задержании обвиняемого, оставленного на свободе или освобожденного из-под стражи, следователь не был обязан его выполнять, представив по этому поводу суду свои соображения (ст. 285 УУС).

В связи с этим А.А. Квачковский отмечал, что отношения между судебным следователем и прокурорским надзором вытекают из свойств уголовного преследования и предварительного следствия, обе эти функции, находясь в связи между собою, занимают отдельные места, не сливаясь и не подчиняясь друг другу» [2].

В то же время И.Я. Фойницкий полагал, что прокуратура «руководит дознанием, наблюдает за предварительным следствием` По производству предварительных следствий судебные следователи состоят` в иерархической подчиненности окружному суду и судебной палате» [3].

Насколько корректно прокурор взаимодействовал с судом и судебными следователями при разрешении организационных проблем, свидетельствует такой пример. В сентябре 1878 года прокурору Нижегородского судебного округа, коллежскому советнику Г.П. Орлову вручили циркуляр Министра юстиции N 13869 от 16 августа 1878 года, в котором освещались вопросы «о сущности и условиях производства предварительного следствия, по делам о вооруженном сопротивлении властям...» и задачей прокуратуры при расследовании уголовных дел этой категории. Прокурор, помня о том, что судебные следователи являются членами окружного суда, которым он не вправе диктовать и разъяснять нормативный акт, направил циркуляр председателю Нижегородского

окружного суда «для сообщения судебным следователям». 30 сентября 1878 года по предложению председателя общее собрание отделений Нижегородского окружного суда с участием прокурора, рассмотрело письменное распоряжение, разосланное Министром юстиции прокурорам, и определило: «об исполнении этого циркуляра предписать судебным следователям окружного суда» [4].

Между тем в современной литературе встречаются и более странные характеристики роли пореформенной прокуратуры. Так, Ю.С. Гусакова считает: «Сочетание обвинительной и надзорной функции в лице прокурора превращало его в хозяина* процесса на стадии предварительного следствия» [5].

Это явная гипербола одновременно является логической ошибкой: автор надумал, ничем не подтвержденный вывод, который противоречит пережитой реальности.

В классической литературе вопросы о функциях органов прокуратуры в сфере надзора за предварительным следствием в этом аспекте исследованы полно и всесторонне. В частности, И.Я. Фойницкий утверждал, что прокуратура в процессе надзора за предварительным следствием «только страж закона». В ходе наблюдения за предварительным следствием она преследует широкие интересы правосудия и законности; «поручая ее заботе преследования виновных, закон в то же время возложил на нее ограждение невинных» (ст.ст. 283, 683, 740, 858 УУС). Он констатировал: «Увлечение задачей ограждения закона подрывает главнейшую функцию прокуратуры-обвинительную: даже в делах уголовных стороной она становится только с открытия судебного заседания для окончательного производства и (1868/243, дело Устиновой и Ивановой) не переставая быть стражем закона» [6].

**Хозяин-тюрьма; владелец квартиры, где происходит шулерская игра; вор, подчинивший своему влиянию группу подростков; начальник ИТУ.; нож; паук; И.В. Сталин. Толковый словарь русского жаргона. М.А. Грачев, М.2006 г. стр. 618. Теперь и прокурор, но только «на стадии предварительного следствия». В действительности лишь легкомысленный и необузданный дилетант, может возомнить себя «хозяином процесса...», где, с одной стороны, царят ложь и обман, а с другой – серьезные заблуждения и просчеты, цена которых-разрушенная карьера, а, порой, и жизнь.*

Для характеристики надзора за предварительным следствием приведем данные из Общего обзора деятельности судебных мест и статистических сведений о подсудимых за 1873 год. В течение года прокурами было составлено 68884 заключения, из которых 20084 или 29% – обвинительные акты и 48720 или 71% заключения о прекращении уголовных дел, об изменении подсудности и разделении предметов исследования [7]. Отсюда следует: прокуроры с исключительной осторожностью относились к вопросам уголовного преследования подданных Российской империи.

Превышения власти прокурорами в условиях Судебной реформы 1864 года случались, но реакция на злоупотребления была немедленной и принципиальной. При этом следует иметь в виду, что прокуроры не обладали правом несменяемости (как утверждает Ю.С. Гусакова) [8] и в соответствии со ст. 226 УСУ освобождались от занимаемой должности порой без объяснения причин увольнения.

Для уяснения возможностей пореформенной окружной прокуратуры по надзору за предварительным следствием необходим анализ: во-первых, размера территории и численности населения судебного округа; во-вторых, состояния преступности в судебном округе; в-третьих, штата судебных следователей и товарищей прокурора окружного суда; в-четвертых, нагрузки прокуроров на других направлениях деятельности; и, наконец, качественного состава лиц прокурорского надзора.

В этом отношении потенциал окружной прокуратуры означает совокупность перечисленных факторов, которые способствуют или сопутствуют эффективному функционированию органов прокуратуры в сфере надзора за предварительным следствием. Пренебрежение хотя бы одним их перечисленных обстоятельств рано или поздно приведет к дезорганизации прокуратуры в той или иной сфере деятельности и, наоборот, своевременное и адекватное реагирование на возникающие диспропорции, а так же сопутствующие проблемы позволяют и в перспективе успешно разрешать задачи прокурорского надзора.

В связи в этом проанализируем соответствующие сведения на примере Нижегородской губернии, которая состояла из 11 уездов при населении на 1 января 1869 года 1 269 302 человека. Площадь губернии равнялась 45054,1 кв. версты, в 1874 году на ее территории зарегистрировано 3099 преступлений (в т.ч. 1211 краж, 493 зажигательства, 226 грабежей, 158 нанесений увечий, ран и других повреждений, 142

смертоубийства, 112 преступлений и проступков по службе государственной и общественной), подследственных судебным следователям. В том году один товарищ прокурора осуществлял надзор за расследованием 258,2 уголовных дел, что превышало среднюю нагрузку на одно лицо прокурорского надзора Российской империи на 18,2 уголовных дела [9].

Оптимизация прокурорского надзора и его эффективность были связаны с надзором одного товарища прокурора на территориальном участке губернии, который равнялся не менее 6,5 тысяч кв.верст, при населении около 118 000 человек [10].

В каждом уезде губернии создавались 2 следственных участка (в Макарьевском и Семеновском уездах по 3), которые обслуживались соответствующим количеством судебных следователей. Например, территория Горбатовского уезда, площадью 14628 кв.верст, при населении 110764 человека была разделена на два следственных участка: 1) длиной 55 кв.верст, шириной 45 кв. верст; 2) длиной 55 кв. верст, шириной 50 кв. верст. Расстояние от уездного центра, где проживали два судебных следователя, до крайнего населенного пункта уезда 45 верст [11].

Кроме того, 5 следственных участков создано в Нижнем Новгороде, население которого на 1 января 1869 года состояло из 43082 человек [12]. Для расследования преступлений определенной категории на территории судебного округа приказом Министра юстиции назначался судебный следователь по важнейшим делам (при С.–Петербургском и Московском окружных судах, судебных палатах следователь по особо важным делам), который приступал к расследованию общественно опасных деяний по предложению прокурора окружного суда или прокурора судебной палаты. С учетом изложенного на территории Нижегородского судебного округа предварительное следствие осуществляли 30 судебных следователей [13].

Штат прокуратуры Нижегородского судебного округа на 1 этапе прокурорской деятельности, т.е. 23 апреля 1869 года состоял из прокурора и 7 товарищей прокурора, а затем постепенно был увеличен и 6 февраля 1876 года доведен до 13 лиц прокурорского надзора. С начала формирования окружной прокуратуры товарищи прокурора проживали с разрешения прокурора Московской судебной палаты не только на территории поднадзорных участков, но и в г.г. Н. Новгороде, Арзамасе, Василе, с. Лысково.

Как отметил министр юстиции, «порядок этот вызван некоторыми соображениями о пользе сосредоточения всех лиц прокурорского надзора в одной

местности, а в особенности значительными неудобствами жизни в уездных городах и селениях...».

Тем не менее в циркуляре N 14758 от 14 августа 1879 года министр юстиции Д.Н. Набоков указал, что концентрация товарищей прокурора за сотни верст от места надзора за предварительным следствием создает определенные трудности. Прокурорский надзор «не может быть отрывочным, случайным и формальным, выражаясь в редких посещениях следственных участков, поверхностном и торопливом рассмотрении подлинных следственных производств при этих посещениях и обременительной переписке со следователями и полицией, значительно замедляющих течение следствия» [14]. В связи с этим товарищам окружных прокуроров предлагалось переселиться на территории поднадзорных следственных участков, с одновременной гарантией определенных преференций тем сотрудникам, которые обладают более высоким опытом работы и проживают вдали от губернских центров.

Но окружные прокуроры и прокуроры судебных палат убедили министра юстиции, что более целесообразно и логично концентрировать товарищей прокурора в губернских центрах или крупных городах для оперативного решения неотложных задач в отсутствие внезапно выбывших из строя по разным причинам лиц прокурорского надзора.

Несомненно, при идеальных условиях, коэффициент полезного действия должен быть более высоким у товарищей окружного прокурора, которые проживали на территории поднадзорных следственных участков. Только они имели возможность принимать участие в первоначальных следственных действиях и своевременно, шаг за шагом, разрешать уголовно-процессуальные проблемы, но в действительности присутствие прокурора, например, при осмотре места происшествия, было, скорее, исключением чем правилом. В этой связи следует уточнить, современный комментарий к статье 278 УУС, где указано: «Прокурор мог требовать к себе материалы любого дела» [15]. На практике лица прокурорского надзора имели право использовать это полномочие только на территории поднадзорного участка, поскольку статья 280 УУС гласит, что прокуроры и их товарищи должны «рассматривать на месте подлинное производство, не останавливая хода следствия».

Вместе с тем мы не имеем серьезных оснований для сомнения в добросовестном исполнении служебного долга судебными следователями тех уездов, которые находились на расстоянии сотни верст от

места жительства лиц прокурорского надзора, являвшихся в соответствующий уезд для наблюдения за производством следственных действий с некоторым опозданием или только в экстраординарных случаях. По этим причинам центр тяжести прокурорского надзора неуклонно перемещался на более поздние этапы предварительного следствия или даже на стадию предания обвиняемого суду, когда в соответствии со ст. 517 УУС прокурор был обязан «дать указанный в законе ход всякому следствию в течение недели от времени его получения.» Насколько были допустимы, достаточны и убедительны доказательства, собранные судебным следователем в процессе предварительного следствия, настолько прокурору становилась ясной судебная перспектива уголовного дела. И когда неполнота предварительного следствия не представляла возможным составить правильное и обоснованное заключение о существовании дела, лица прокурорского надзора или истребовали дополнительные сведения или возвращали уголовное дело на дополнительное расследование (ст. 512 УУС).

«Прокурор, когда имел право свободного доступа к уголовным делам в прошлые годы, —отмечает В.Б. Ястребов,— никогда не вмешивался в работу следователя, пока расследование осуществлялось в нормальном режиме, без нарушения законов. Но он не мог проявлять безразличие, если следствие шло ошибочным путем, заходило в тупик, если возникала реальная опасность утверждения атмосферы беззакония. Вот тогда и появлялись указания прокурора» [16].

Во всяком случае под «непосредственным наблюдением прокурора окружного суда или его товарищей для своевременного доведения до сведения Его Величества» осуществлялось «самое энергичное преследование» лиц по уголовным делам о государственных преступлениях (ст.22 Высочайше утвержденных 19 мая 1871 года Правил о порядке производства дознаний по государственным преступлениям) о наложении на рельсы шпал, камней и вообще о порче железнодорожных путей со злоумышленной целью (циркуляр N 24622 от 22.11.1871 года), в отношении заключенных под стражу (циркуляры N 8739 от 16 мая 1869 года, N 12485 от 13.07.1876 года и N 21575 от 18.12.1876 года) [17].

Так, в связи с реформированием Александром 2 тюрем, острогов, арестных домов и других мест содержания заключенных под стражу министр юстиции циркуляром N 8739 от 16 мая 1869 года обязал прокуроров и их товарищей осуществлять регулярный надзор за местами лишения свободы, проверять

«билеты» каждого из арестантов, «где и с какого времени производятся дела о них, в каком они положении, не допускаются ли в производстве их какой либо остановки или медленности и в сем последнем случае принимать должные меры понуждения».

Министр юстиции оставил без комментария понятие «регулярный надзор», а по этой причине прокуроры сами определяли периодичность наблюдения за местами лишения свободы, растлевающее влияние которых в дореформенный период при совместном содержании следственно-арестованных и осужденных, малолетних и взрослых, рецидивистов и лиц, впервые совершивших незначительные преступления, представляли из себя «школы и рассадники преступлений, где хорошему человеку достаточно пробыть три дня, чтобы окончательно испортиться». В этих условиях товарищи прокурора порой допускали серьезные процессуальные нарушения, которые немедленно поправляли вышестоящие прокуроры.

Так, 13 октября 1876 года прокурор Московской судебной палаты, рассмотрев жалобу следственно-арестованной Носовой Г.А., направил прокурору Нижегородского окружного суда указание следующего содержания: «Я поручаю Вам, Милостивый Государь, объявить товарищу прокурора Зеланду, что ссылка его в представлении от 6 октября 1876 года на беспоконный характер Носовой, как мотив к применению против нея самой строгой меры пресечения (по статье 418 УУС) представляется совершенно неуместною, так как в числе условий, с которыми следует соотносываться по статье 421 УУС при избрании меры пресечения о беспоконном характере обвиняемых нет указаний» [18].

Из Общего обзора деятельности судебных мест и статистических сведений о подсудимых за 1873 год следует, что на 1 января 1873 года остаток уголовных дел в окружных прокуратурах Российской империи составлял 15323 дела. В течение года поступило 60644, а всего в производстве находилось 75967 дел. Из них в 1873 году рассмотрено 67445 дел или 89% от общего количества, в связи с чем остаток нерассмотренных уголовных дел на 1 января 1874 года составил 7522 уголовных дела. Таким образом, разница в остатке уголовных дел на 1 января 1873 года–15323 дела и 1 января 1874 года – 7522 дела составляла 7801 уголовное дело [19]. Эти показатели свидетельствуют о безусловных успехах пореформенной прокуратуры в повышении эффективности прокурорского надзора за расследованием преступлений: волокита и безответственность, столь

характерные для дореформенных судебных органов, довольно резко уходили в прошлое, а оперативное и всестороннее расследование основной массы преступлений позволяло сосредоточить внимание прокуратуры на расследовании особо сложных уголовных дел или на других направлениях прокурорской деятельности. Так, в соответствии со статьей 166 УУС при разбирательстве уголовных дел в мировых съездах товарищи окружного прокурора были обязаны присутствовать, объяснять значение представленных доказательств, указывать на относящиеся к делу законы и давать заключения о применении их в конкретных случаях. Мировые съезды созывались один раз в неделю в г.Н.Новгороде, 1 и 15 числа каждого месяца – в г.г. Арзамасе и Ардатове и по три раза в месяц в 8 других мировых судебных округах Нижегородской губернии.

Статьей 4 УУС на прокуратуру возлагалось государственное обвинение по уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям. В связи с этим с 23 апреля 1869 года Нижегородский окружной суд практиковал выездные сессии. Уголовные дела разрешались судом в течение недели (иногда в такой последовательности: вторник–5, среда–4, четверг–3, пятница–2 уголовных дела), а товарищи прокурора были обязаны поддерживать государственное обвинение в окружном суде по всем уголовным делам. Рассмотрение без участия прокурора уголовного дела, в результате чего провозглашался приговор, являлось безусловным основанием для отмены решения суда.

В 1873 году судами Российской империи с участием присяжных заседателей было вынесено 21782 приговора, из них 68% – обвинительные, а 32% – оправдательные. Без участия присяжных заседателей вынесено 5317 приговоров, из них 71% – обвинительные, а 29% – оправдательные. Отсюда следует, что разница между оправдательными приговорами, вынесенными с участием присяжных заседателей и в их отсутствие, составляла 2% [20].

Циркулярами N 4144 от 28 февраля 1874 года и N 5415 от 13 марта 1874 года министр юстиции объявил прокуроров, поддерживающих государственное обвинение по уголовным делам, представлять в министерство юстиции «особые разъяснения о причинах, вызванных оправдательными приговорами, по делам, разрешаемым с участием присяжных заседателей, когда количество оправдательных приговоров превышает 20 % общего числа этого рода, рассмотренных отделением суда» [21].

В течение 7 лет окружные прокуроры изучали и анализировали соответствующие сведения, которые направлялись в департамент статистики министерства юстиции, где был накоплен и обобщен обширный материал для уяснения мотивов и оснований вынесения судами оправдательных приговоров и «характера деятельности присяжных заседателей». В результате последующего анализа установлены конкретные причины этого явления: неудовлетворительная постановка следственной деятельности, недостатки Уголовного уложения, а также неправильные действия коронного суда.

Относительно качественного состава прокуроров и товарищей прокурора Нижегородского окружного суда следует отметить присущие служащим судебного ведомства первых призывов благонадежность и дисциплинированность, высокий профессионализм и правовую культуру, которые базировались на глубоко и всестороннем познании Судебных уставов, изучении курса юридических наук в государственных высших учебных заведениях: Училище правоведения (выпускало юристов для министерства юстиции), Александровском лицее (юристы для МВД), Демидовском юридическом лицее и университетах, которые выпускали юристов широкого профиля.

Основу профессиональной подготовки лиц прокурорского надзора создавали четырехгодичная стажировка кандидатов права и действительных студентов при окружных прокуратурах и прокуратурах судебных палат, а также следующий этап службы в качестве судебных следователей окружных судов.

Например, 26 ноября 1869 года Насакин В.В., окончив курс юридических наук по юридическому факультету Императорского Московского университета со степенью кандидата права, согласно его прошения определен кандидатом на судебную должность при прокуратуре Нижегородского окружного суда. 1 декабря 1869 года определением общего собрания отделений окружного суда с участием прокурора он командирован в помощь судебному следователю 4 участка г. Н.Новгорода, 11 марта 1870 года командирован к исправлению должности судебного следователя 1 участка Горбатовского уезда на время болезни следователя Сакса, 24 октября 1870 года командирован исправлять должность судебного следователя 5 участка г.Н.Новгорода на время 15-дневного отпуска следователя Мокашева, 18 мая 1871 года в соответствии с приказом N 31 Министра юстиции причислен к департаменту министерства юстиции с откомандированием для исправления должности су-

дебного следователя 1 участка Балахнинского уезда, 8 февраля 1872 года приказом N 6 по министерству юстиции переведен к исправлению должности судебного следователя 5 участка г.Н.Новгорода, приказом N 15 от 22 марта 1874 года в соответствии со статьей 205 УСУ назначен исправлять должность судебного следователя по важнейшим делам в округе Нижегородского окружного суда. В соответствии с приказом Министра юстиции N 3 от 25 января 1875 года он назначен товарищем прокурора Нижегородского окружного суда. Приказом Министра юстиции от 7 декабря 1882 года надворный советник Насакин В.В. назначен товарищем прокурора С.-Петербургского окружного суда [22].

Эффективность прокурорского надзора за предварительным следствием в 70-е годы XIX века привела к неожиданным и парадоксальным последствиям. 3 июля 1879 года Государственный Совет империи рассмотрел вопрос о порядке распределения между судами товарищей прокуроров и судебных следователей. По результатам этого обсуждения министерство юстиции решило «сократить в некоторой степени число товарищей прокурора в тех округах, в коих число возникающих уголовных дел не особенно значительно» [23]. Замысел возник в тот период, когда в России как поганые грибы разрастались ячейки террористов, которые в 1878 году перешли от тактики единичных политических убийств к серии террористических актов в отношении «наиболее вредных или выдающихся лиц», служивших в органах государственной власти Российской империи. В связи с этим 20 августа 1878 года правительство страны призвало на помощь против отверженников «все сословия русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учения, навязываемое народу». Непродуманная идея министерства юстиции в конце концов была отвергнута в связи с донесениями окружных прокуроров о росте уголовных и политических преступлений. В частности, прокурор Нижегородского окружного суда обратил внимание министра юстиции на отрицательную динамику преступности: в 1876 году на территории губернии было зарегистрировано 3182, в 1877 году – 3566, в 1878 году – 3815 преступлений [24].

Прокурорский надзор всегда был связан с решением разнообразных конфликтов в уголовно-процессуальной сфере, иногда такие столкновения осложнялись противодействием власти имущих. К тому же перестройка прокурорской деятельности на основе Судебных уставов 1864 года продемонстрировала

общественности резкий контраст с безинициативной и неповоротливой, слабосильной и неэффективной работой дореформенной прокуратуры. Новизна решаемых проблем, принципиальность прокурорских требований воспринимались определенными должностными лицами и государственными структурами как «страстность и придирчивость» лиц прокурорского надзора, «задавших перестроить весь общественный порядок». Газеты известного направления «вполне осудили прокуратуру и суд, отнеся все столкновения с администрацией к их вине, к неумеренности в требованиях, резкости форм сношений и даже к их стремлению будто бы поколебать власть» [25].

В заключение отметим: законодатель, реформируя прокурорский надзор Российской империи, определил

потенциал окружных прокуратур, на неопределенное время. При скачкообразном росте преступности и неизменном штате низовых звеньев прокуратуры на протяжении более 40 лет приоритетными направлениями функционирования Министерства юстиции всегда оставались: 1) постоянный анализ деятельности окружных прокуратур, корреляции между качественными и количественными показателями надзора за предварительным следствием и состоянием государственного обвинения в коронном суде с одновременным адекватным реагированием на негативные изменения в той или иной сфере; 2) тщательный подбор и расстановка кадров, которые должны были неколѣбимо исполнять свой служебный долг в соответствии с Судебными уставами 1864 года. ■

Список литературы

1. Казанцев С.Н. История царской прокуратуры. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. С. 145.
2. Квачковский А.А. Участие прокурорского надзора в предварительном следствии // Юридический вестник. 1867–1868 гг., кн. 12, июнь. С. 4.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. Ч. 1, С. 449, 533.
4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). 1869–1917 гг. Ф. 179. ОП. 639. Д. 576. С. 38.
5. Гусакова Ю.С. К вопросу о функциях прокуратуры России по Судебной реформе 1864 года. Пробелы в Российском законодательстве. 2009. 1. С. 80.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Ч. 1. С. 534, 537–538.
7. «Правительственный вестник» N 10 от 12 января 1875 г.
8. Гусакова Ю.С. Там же (см. п. 5).
9. Обзор Нижегородской губернии. Ведомость о числе и роде преступлений в Нижегородской губернии за 1874 г. Н. Новгород.
10. Энциклопедический словарь: Издательское дело Брокгауз–Ефрон 1898 г. СПб.: Типография акционерного общества. Т. 25. С. 403.
11. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Д. 457. С. 167–168.
12. Сборники статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии. Н. Новгород: Издание Нижегородского статистического комитета, 1880.
13. Адрес–календарь Нижегородской губернии на 1876 г. Н. Новгород, 1876.
14. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Д. 169; Д. 459; Д. 876.
15. Судебная реформа / Отв. ред. Б.В. Виленский. М.: Юридическая литература, 1991. Т. 8. С. 293.
16. Ястребов В.Б. Функции прокурора в уголовном судопроизводстве (Былое и современность: некоторые уроки Судебной реформы 1864 года. Актуальные проблемы Российского права). 2014. N 14.
17. Циркуляры министра юстиции копировались писцами в прокуратуре и вручались для сведения каждому товарищу прокурора. По этой причине они находятся в различных делах ЦАНО. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Д. 648; Д. 876; Д. 877.
18. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Д. 454. С. 110.
19. «Правительственный вестник» N 10 от 12 января 1875 г.
20. «Правительственный вестник» N 10 от 12 января 1875 г.

21. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639. Д. 714. С. 8–9; Д. 715. С. 71.
22. ЦАНО. Ф. 179. ОП. 639 Д. 354.
23. ЦАНО. Ф. 179. ОП.639, Д. 651. С. 218.
24. ЦАНО. Ф. 179. ОП.639. Д. 651. С. 329.
25. К.А–Ров. Наблюдения и заметки о деятельности прокурорского надзора в провинции // Юридический вестник. 1876, июнь–июль. С. 100.